

III. Страницы новейшей истории

В.П. Наумов

Разгром еврейского антифашистского комитета*

Политика государственного антисемитизма стала утверждаться советским руководством с середины 40-х годов. По этому поводу мы не найдем каких-либо официальных решений высших органов партии и государства. Я полагаю, что не было даже специальных обсуждений. Все понималось и принималось с полуслова, следуя примеру, который давал вождь.

В марте 1947 г. Л.М.Каганович был назначен первым секретарем ЦК компартии Украины. С приездом в Киев он развернул борьбу с националистами. Но вскоре столкнулся с многочисленными фактами антисемитизма и тогда он также объявил борьбу с этим злом. С Украины посыпались в Москву жалобы со стороны тех партийных функционеров, которых Каганович обвинял в антисемитизме. Через несколько месяцев Каганович был отозван обратно в Москву, где возглавил Министерство строительных материалов. Все функционеры наказанные им за антисемитизм были возвращены на прежние посты, а подвергшиеся гонениям функционеры-евреи годами не могли найти работы.

Уже в первые послевоенные годы в армейской и флотской политической пропаганде партийные функционеры руководствовались принципом, что каждый еврей потенциальный агент американского империализма. Такой же принцип – со ссылкой на личное указание Сталина – лежал в практической деятельности сотрудников МГБ. Об этом ранее было известно со слов крупных политработников, которые получали такие установки еще в 1947 году, а также такие признания были сделаны бывшим заместителем министра МГБ М.Рюминым во время следствия по его делу в 1953 г.

Теперь же мы располагаем достоверным свидетельством В.А.Малышева – заместителя председателя Совета Министров СССР. В его архиве остались записи дневникового характера, главным образом о встречах со Сталиным (а они были довольно частыми) и тех заседаний Политбюро, на которых он присутствовал. На XIX съезде Малышев был избран членом Президиума ЦК КПСС.

В своем дневнике он записал о первом после съезда заседании Президиума ЦК и наиболее важные высказывания Сталина на нем, и в частности:

* Доклад в рамках конференции «Поздний сталинизм и «еврейский вопрос»» (Айхштетт, 1997).

„т.Сталин 1.ХЩ[1952]

„...Любой еврей – националист, это агент американской] разведки. Евреи нац[ионалис]ты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т.д.). Они считают себя обязанными американцам.

Среди врачей много евреев-националистов!“¹

Таким образом, об антисемитских установках в партийной и государственной политике Сталин счел возможным говорить открытым текстом без всяких намеков, скрывающих суть дела.

Еще и по сей день в публикациях иных ученых и политиков высказываются сомнения по поводу того, имела ли место дискриминация евреев в 40-50-е годы, можно ли утвердительно говорить о существовании у советского руководства государственной политики антисемитизма или элементов ее. С наигранным простодушием они вопрошают, а какие официальные документы говорят об этом. Если и есть какие-то свидетельства, то они носят косвенный характер, а Сталин публично осудил все проявления антисемитизма. При этом ссылаются на его высказывания, имевшие место при обсуждении кандидатов на получение премии его имени в 1952 году.

Но как раз осуществление государственной антисемитской политики являет собой яркий пример двуличия, фарисейства советского партийно-коммунистического руководства.

Последствия такой политики, на которой было воспитано целое поколение партийных функционеров и советских чиновников, преодолевалось очень трудно. И не случайно, что начавшийся в 1953 г. процесс проверки дела ЕАК затянулся до 1955 г.

Да и тогда он получил положительное решение только под воздействием общественности, настойчиво требовавшей реабилитации видных деятелей еврейской интеллигенции, с которых за два года после смерти Сталина не желали снять клеймо предателей и шпионов. Принятое решение не было опубликовано и оставалось неизвестным широкой общественности. Более того, реабилитация была неполной и родственники осужденных имели ограничение гражданских прав как члены семей изменников Родины.

Мне, наверное, повезло в жизни: я участвую в работе Комиссии по реабилитации, созданной Президентом Российской Федерации в 1992 г. А до того мне довелось участвовать в работе комиссии по реабилитации, которую создало Политбюро ЦК КПСС в 1987 г. Я говорю повезло, потому что высокой честью – на мой взгляд – является участие в таком великом деле, как очищение от чудовищных и фальсифицированных обвинений миллионов людей, подвергшихся репрессиям со стороны коммунистического режима, восстановление их чести и достоинства.

¹ "Источник". Документы русской истории. Вестник архива Президента Российской Федерации. №5, 1997, стр. 140-141.

Но постижение истины в реабилитации жертв репрессий давалось нелегким трудом и душевными муками. 10 лет работы по реабилитации – это 10 лет нравственных страданий, 10 лет борьбы за преодоление большевистских предрассудков, сопротивления тех, кто не хотел раскрытия исторической правды, страшной картины истязаний народа, глумления над ним, его систематического и планомерного уничтожения во имя сохранения диктатуры, именуемой пролетарской, а на деле диктатуры, безграничной власти над народом кучки узурпаторов и их приспешников, мечтающих любой ценой войти в высший круг обладателей безграничной власти.

В 1988 г., в комиссии по реабилитации тогда еще Политбюро было принято решение о рассмотрении судебного дела над членами ЕАК. Времени было очень мало. Я не могу даже сказать, чья это была идея, но, во всяком случае, она пришла откуда-то сверху – посмотреть, все ли были реабилитированы по этому процессу, почему до сего времени секретны документы об их реабилитации. И вот в мои руки попало реабилитационное дело, подготовленное генеральной прокуратурой Союза и материалы судебного дела. Мне было поручено подготовить справку по делу ЕАК, которая затем была опубликована в журнале "Известия ЦК КПСС". Все материалы находились в моих руках сравнительно недолго. Но знакомство состоялось. У меня было убеждение, что за этими первыми документами стоят другие – очень интересные документы и события, о которых мы ничего не знаем.

В 1991 г. нам представилась возможность познакомиться с этими документами более детально – благодаря помощи тогдашнего председателя КГБ В.В.Бакатина и дружеской поддержке начальника 10 управления КГБ Анатолия Александровича Краюшкина. И вот перед нами почти 50 томов судебного следствия и дополнительные материалы. Вы можете понять мое состояние – в здание ФСБ мы приходили в восемь утра (хотя рабочий день начинается там в девять) и в восемь вечера уходили. С легкой руки Бакатина (он был министром очень непродолжительное время) нам открыли все сейфы. Мы оказались первыми гражданскими историками, прикоснувшимися к этим документам. Можно было бы добавить: "и стряхнувшими с них архивную пыль". Но пыли на этих документах не было.

Более того. Все эти сорок с лишним томов находились в таком затертом и засаленном состоянии, что сразу стало ясно: с ними работали ежедневно, в течение всех десятилетий, прошедших с момента окончания процесса. Они были в непрерывной разработке с лета 52 г. и до 90 гг. – это несомненно. Для работников службы безопасности это был инструмент новых гонений, новых преследований, новых ограничений гражданских прав. Позднее я многое узнал об этом. Наверное, это тема другого выступления, но все же я хотел бы упомянуть о том, что, например, не был полностью реабилитирован Давид Гофштейн, а его дочь, работавшая в Киевской филармонии не могла выехать еще в 1988 г. на гастроли в Болгарию вместе с тем оркестром, в котором она выступала. Я думаю, что теперь

уже многие исследователи получили возможность познакомиться с этими документами, и должен честно сказать, что меня поразила мысль, прозвучавшая недавно на одном собрании общественности, а именно – что, дескать, там все ясно, все уже известно, нечего больше во всем этом копать, следует сосредоточиться на том, чтобы воспитывать в людях доброту. Но это был только первый слой документов о Еврейском антифашистском комитете.

В архивах – не только в архивах ФСБ, но и в других архивохранилищах, сосредоточен огромный материал, который позволит создать подлинную картину того, ЧТО произошло и КАК произошло. Тем более, что материалы ФСБ – это, я бы сказал, коварный источник. Полностью и безоговорочно полагаться на него ни в коем случае нельзя. Достаточно сказать, что целью каждого следствия было получение «признательных показаний». И не мне вам рассказывать, какими путями эти показания получались. Именно поэтому они требуют тщательной и скрупулезной проверки по другим документам – и не только тем, что родились в недрах службы безопасности. Хотя я должен признать, что нынешние исследователи не всегда используют даже то, что содержится в архиве ФСБ. Я, например, имею в виду тюремные дела на каждого подсудимого или обвиняемого – который находился или во внутренней тюрьме на Лубянке, в Лефортово, или в Бутырской тюрьме – т.е. документы, раскрывающие поведение подследственного, его допросы, состояние его здоровья, людей, которые сидели с ним в одной камере – одни по случаю, другие – по специальному назначению и т.д. Это тоже очень важная сторона изучения – в данном случае – дела Еврейского антифашистского комитета. Мы исходили из того, что в этих сорока с лишним томах изложена сталинско-абакумовская версия дела Еврейского антифашистского комитета. И надо было тщательно отбирать действительные факты, характеризующие это дело, отсеивая все то, что было фальсифицировано следователями госбезопасности. Люди там работали довольно крутые.

Я бы не хотел сегодня пересказывать сам ход следствия, а также ход суда, хотя и то, и другое чрезвычайно интересно. Мне хотелось бы остановить ваше внимание на проблемах, связанных с дальнейшим изучением дела ЕАК и начала дела врачей.

Вот один из первых вопросов, встающих перед исследователем: чем объяснить тот факт, что именно в 1948 г. МГБ взялся за ЕАК? Известно, что первый документ, который вышел из стен ЦК и госбезопасности, датирован 1946-м годом. Там уже все было: и система обвинений, и степень виновности, с точки зрения госбезопасности, всех участников активной работы в ЕАК. Мы видели по документам, что разработка дела на отдельных участников будущего процесса началась именно тогда.

Необходимо иметь в виду, что тогдашний режим не мог существовать без репрессий. Они были ему внутренне присущи. И дело не только в том, что эти репрессии обеспечивали единоличную власть Сталина. Жизнь показала, что и так

называемое коллективное руководство не могло без этого обойтись, и те, кто претендовал на звание глобального реформатора также, когда они считали целесообразным, хватались за меч МГБ. Как только сокращались репрессии, как только какое-то дуновение либерализации происходило в обществе, это приводило к тому, что режим начинал шататься и разваливаться. Тем он и закончил в августе 1991 г. Так вот, в первые послевоенные годы мы можем отметить целый ряд таких массовых репрессий против определенных социальных групп. Первые два года ушли на разработку военнопленных и интернированных лиц, оказавшихся на территории Германии в годы войны. С точки зрения режима это была большая работа. Около двух миллионов было отправлено на Колыму и в северные районы. Я думаю, что в числе других факторов, определивших назначение Абакумова в 1946 году на пост министра МГБ был опыт его работы, связанный с репрессиями против военнопленных, которой он начал заниматься еще в годы войны. С конца 1947 – начала 1948 г. начинается новый этап репрессий – связанный с зачисткой массовых репрессий тридцатых годов, т.е. репрессии против тех лиц, которые или отбыли наказание, или находились еще в заключении и ждали освобождения в связи с близким окончанием срока приговора. Речь при этом идет о сотнях тысяч так называемых "повторников" – так именовались эти люди в документах КГБ и политбюро. Но среди них были не только те, кто уже отбыл наказание. Были и подросшие дети. В 1937 г. они были еще маленькими детьми, а теперь возраст уже позволял отправить их и на Колыму, и на север. Среди них были и "неохваченные" – уцелевшие родственники тех, кто был осужден в тридцатых годах.

К 1948 году подошла очередь Еврейского антифашистского комитета. Само следствие над деятелями ЕАК делится, на мой взгляд, на два этапа. Можно видеть их различия. Первый этап длился с 1948 г. по 1951 г. Второй – с 1951 по 1952 гг. Эти этапы различались и по тем обвинениям, которые предъявлялись участникам процесса, и по намеченным в МГБ руководителям ЕАК – т.е. тем, кого они наметили в качестве руководителей «преступной группы», и меры наказания на первом этапе были предусмотрены иные, нежели на втором.

Я полагаю, что отношение к ЕАК определялось двумя обстоятельствами, характеризующими развитие советского общества в те годы. Первое и главное заключалось в том, что холодная война «разогревалась» до такой степени, что до катастрофы оставался буквально один шаг. Мы, вероятно, не отдаем себе в достаточной мере отчет в том, насколько реальной была угроза ядерной войны в начале пятидесятых годов. Есть конкретные факты, говорящие об этом; есть документы, и из этих документов я бы сделал такой вывод: чем больше было разговоров о предотвращении войны, о мире, чем более широким становилось движение за мир, которое возглавляли общественные деятели Советского Союза, тем более реальные, опасные и страшные шаги делались и с той, и с другой стороны – и со стороны Америки, и со стороны СССР, к обострению международной обстанов-

ки и быстрому наращиванию вооружений, концентрации вооруженных сил на границах противостояния двух государственных систем.

Последствия внезапного удара, посредством которого Гитлеру удалось захватить такие огромные территории, не давали спокойно спать ни советским, ни американским генералам. В этих условиях происходит крутая перестройка всего государственного аппарата и системы управления Сталиным государством, вооруженными силами, органами безопасности и т.д. Это очень большая тема, и я обращаю ваше внимание лишь на то, что касается проблемы, которую мы обсуждаем сегодня. Вы знаете, что в это время происходит реорганизация всей системы МГБ, которая фактически переходит под полный контроль Сталина. Он контролировал все структуры госбезопасности, а отдельные подразделения МГБ, такие, например, как следственная часть по особо важным делам, не только прямо ему подчинялись, но он фактически осуществлял непосредственное руководство ее работой.

В ЦК КПСС фактически создается свое министерство госбезопасности, аппарат, который занимался разработкой определенной части контингента – партийными функционерами и высшими должностными лицами.

Комитет партийного контроля наделяется функциями прокурорского надзора, правом специальных расследований. Создается даже своя тюрьма. Большое значение имело создание специальной службы информации, которая подчинялась только ЦК КПСС.

Перетряска МГБ произошла летом 1951 года. И в этой связи я хочу сказать, что письма и заявления, которые шли из МГБ в ЦК КПСС в литературе часто оцениваются не критически. Речь идет, в частности, о так называемом письме М.Д.Рюмина. Мы располагаем документами, свидетельствующими о том, что письмо это писалось в ЦК КПСС и что его редактировал будущий министр госбезопасности Игнатъев, а Рюмин добавлял детали и, возможно, поставлял дополнительную информацию, но само письмо было написано на Старой площади и Г.М.Маленков был полностью информирован об этой работе. Письмо дало Сталину повод сказать на Пленуме: вот, маленький человек из МГБ увидел такие крупные недостатки, а все остальные их не видели. Вам, наверное, трудно представить себе, какой взлет произошел в карьере Рюмина. Когда он из простого следователя превратился в начальника следственной части по особо важным делам и заместителя министра.

С августа 1951 года начинается разработка нового сценария суда над Еврейским антифашистским комитетом. И это несмотря на то, что почти тридцать человек уже получили обвинительные заключения и ждали в камерах суда. В новом сценарии процесса сменились руководители ЕАК, которые назывались руководителями МГБ. Если раньше в этой роли фигурировала Жемчужина, то позднее ситуация изменилась. В 1951 г. Михоэлс в списке остался, но имя Жемчужинной уже не упоминалось. Михоэлс был убит... Нужна была крупная политическая

фигура как главы большой антисоветской организации. Им был определен Лозовский, замминистра иностранных дел, старый коммунист, член ЦК ВКП(б).

Мне хотелось бы кратко остановиться на вопросе об определении главы «шпионской организации», на том, какое «решение» этой проблемы предстает перед нами в документах. Когда читаешь материалы следствия 1950 года, то бросается в глаза, насколько неубедительны обвинения в адрес Жемчужиной: в самом деле, что это за фигура – Жемчужина! Можно еще представить себе Михоэлса – всемирно известный человек. Но Жемчужина? Все, что можно сказать в данном контексте о ней, это лишь то, что она еврейка, встречалась несколько раз с Голдой Меир – вот, собственно, и все.

Но есть документы, которые, по-моему, раскрывают важные обстоятельства, которые стояли за этими обвинениями. В 1945 г. Сталин впервые уехал отдыхать на юг после окончания войны. Всю войну он не отдыхал – находился в Москве. "На хозяйстве", как говорится, остался Молотов. Сталин отдыхал довольно долго, и, как мне кажется, Молотов на какое-то мгновение утратил присущую ему осторожность. На ноябрьском приеме в Москве он имел беседу с четырьмя иностранными журналистами, и им он сказал, что возможно с советской стороны некоторое ослабление цензуры – в обмен на какие-то действия западных держав. Вскоре после этой беседы один из ее участников направил корреспонденцию в американскую газету – и в ней было следующее сообщение: Сталин устал, фактическим руководителем страны уже является Молотов. Председателем Совнаркома Сталин стал накануне войны; война кончилась – очевидно, теперь он освобождает этот пост. Вы можете представить себе гнев и возмущение Сталина! На эту тему существует довольно большая и очень острая переписка Сталина с Политбюро. Она завершилась тем, что Сталин заявил: он не считает Молотова больше своим другом, не хочет иметь с ним никакого дела и просит пятерку (пять человек из членов политбюро) разобраться и принять меры. Члены политбюро очень осторожно выполняли просьбу Сталина, пытаясь воздействовать на его чувства. Они даже сообщали ему, что, давая объяснения, Молотов плакал. (В ответ Сталин написал на полях: что же он ведет себя, как институтка!). В общем, конфликт был улажен, но в 1948 году Сталин попросил размножить эту переписку и разослать членам и кандидатам в члены политбюро. Я думаю, что, если бы не изменились обстоятельства (какие именно – этого мы пока точно не знаем), то во главе «преступной организации» – Еврейского антифашистского комитета стоял бы Вячеслав Михайлович Молотов. Это произвело бы впечатление: в тридцатые годы аналогичные роли играли Бухарин, Рыков и т.д. А что там Жемчужина – надо еще объяснять, какой промышленностью она руководила – то ли парфюмерной, то ли рыбной. А тут – известная фигура. Но в 1949 году произошло что-то (что именно, повторяю, мы пока точно не знаем), что вывело Молотова из-под удара и кандидатура Жемчужиной сразу же отпала. Ей дали ссылку, и она уе-

хала. Находилась там до смерти Сталина. До последней минуты своей жизни Жемчужина восхищалась мудростью и гением Сталина.

Что же касается нового этапа, то в этой связи я хотел бы обратить ваше внимание на то, о чем вчера в своей замечательной речи говорил Эдуард Гольдштюккер – на дело Р.Сланского. Если на первом этапе ЕАК объявлялся всесоюзным центром антисоветской деятельности, то в связи с делом Р.Сланского он превращался в международный антисоветский центр. Как очень ярко было показано на нашей встрече, кроме процессов Р.Сланского и Л.Райка, аналогичные процессы прошли в других странах советского блока.

Здесь еще очень много неясного, но уже видна ниточка, которая поможет «вытянуть» всю эту проблему. Я хочу сказать вам и, в частности, уважаемому г-ну Гольдштюккеру, что в 1955 году руководство ЦК чехословацкой компартии обратилось с просьбой прислать документы, на основании которых выдвигались обвинения против Сланского со стороны Сталина и членов политбюро. После длительного обсуждения был составлен ответ чехословацким руководителям, который подписали А.Шелепин и Ю.Андропов. Они сообщили, что, к сожалению, все эти документы уничтожены. А мы их нашли.

Интересно, что обнаружили мы их не в том ведомстве, которое возглавлял Шелепин, а в делах ЦК КПСС. Я думаю, что там тоже есть сведения, которые могут пролить свет на характер процесса против ЕАК – потому их и не хотели давать.

В числе причин, объясняющих новое отношение к делу ЕАК, можно услышать утверждение об изменении советской политики по отношению к Израилю. Вероятно, так оно и есть. Существует много и других причин. Но под влиянием бесед с очень крупными специалистами в этой области, которые я имел уже здесь, в Германии, и в том числе бесед с г-ном Финкельштейном, я подумал: исследователям, занимающимся изучением истории советской политики в отношении евреев, надо глубже изучать всю ситуацию, складывающуюся на Ближнем Востоке в те годы. Но я хотел бы предложить такую гипотезу: мне кажется, что перед глазами Сталина был опыт Испании. Прибывшие в страну добровольцы, составившие специальные военные подразделения, т.н. «интернациональные бригады», не только усилили армию – государственную армию Испании, но и способствовали усилению позиций компартии, и она стала доминировать в политической жизни страны. А к этому времени пошло и оружие – практически только из Советского Союза. И коммунисты, по существу, контролировали власть в Испании. Буржуазное правительство не могло противостоять им. Мы не знаем, на что рассчитывал Сталин, преследуя свои цели в Израиле, но он дал согласие на формирование подразделений из советских добровольцев для войны Израиля против арабов. В условиях секретности и глубокой конспирации такая работа началась. Я думаю, что Бен-Гурион отличался знанием истории. И он сделал все, чтобы испанский сценарий не повторился в Израиле. Этот мудрый человек руко-

водствовался той истиной, что следует бояться данайцев, приносящих дары. Дары были важны, но за них пришлось бы платить высокую цену.

Сталин почувствовал сопротивление израильского руководства. Его план утвердиться в новом государстве явно оказывался несостоятельным. И постепенно меняется позиция Советского Союза. Кстати, очень важная проблема связана с добровольцами – кто там был, кого посылали и т.д. Действительно, многие из них поплатились впоследствии за свое желание стать добровольцами. Это относится, однако, лишь к тем, кто сам проявил инициативу. Те же, кто действовал по указанию соответствующих органов, репрессиями затронуты не были.

Я хотел бы обратить внимание еще на одну проблему, над которой мы также мало задумываемся: а почему захотели стенографировать этот процесс? Какая тут была необходимость? Когда разделили группу, представленную в первом обвинительном заключении, – пятнадцать человек остались в тюрьме, а остальных вывели из этого дела. И тут же оформили решением Особого совещания – один получил высшую меру, другой – десять лет, третий – пятнадцать. Зачем же нужна была стенограмма? Для Сталина, как я полагаю, в то время уже была характерна "старость ума", и очень многое он делал по шаблону, сравнивая происходящее с событиями 1937 года. Так, он сменил в 1936 году наркома внутренних дел, который был выходцем из этой системы, на секретаря ЦК – и в начале 50-х годов произошло то же самое. Тогда вместо Ягоды пришел Ежов, а здесь вместо Абакумова пришел Игнатъев – секретарь ЦК КПСС, заведующий отделом ЦК.

Посмотрите на директивы, которые рассылало Министерство госбезопасности, – например, по процессу еврейской молодежи 1952 г. Во все свои подразделения на местах МГБ направило обвинительное заключение, дескать, вот как надо действовать. И на местах начали искать молодежь – тем более, что ее легче сломить.

И стенограмма процесса по делу ЕАК также в известной мере представляла собой повторение уже пройденного. В свое время была подготовлена стенограмма судебного процесса по делу Бухарина. С одной стороны она была как бы пособием следователя как вести такие дела, а с другой – как казалось, «веским» доказательством вины осужденных. "Обработали", "подправили", сфальсифицировали стенограмму, издали ее небольшим тиражом – и пожалуйте, смотрите, как враги народа сами признавались в совершенных преступлениях! Но с делом ЕАК произошел просчет, и стенограмма осталась только нам, исследователям. Но после этого готовились стенографировать процесс по делу врачей. Следователи говорили, обращаясь к заключенным: "Что же у вас за показания? Их нельзя поставить на открытый процесс!" Как будто жертвы были виноваты в том, что говорят не то, что требовалось по сценарию! Об этом пишет, в частности, профессор Раппопорт. Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что, к сожалению, и мы, и исследователи, которые шли за нами, не всегда критически воспринимали (и воспринимают) материалы, которые содержатся в документах МГБ, принимая их за

чистую монету, полагая, что здесь содержится сто процентов правды. Так, например, везде утверждается, что профессор Яков Гилярович Этингер умер своей смертью во время следствия. Из тюремного дела видно, что в течение почти четырех месяцев он ежедневно вызывался на ночные допросы, которые продолжались от четырех до пяти часов. Пожилой человек, не отличавшийся крепким здоровьем – а тут такое испытание! И в деле записано, что погиб он от того, что, пошатнувшись, упал переносицей на раковину, от чего и наступила смерть. Я не могу с уверенностью судить, так именно было дело или не так. Но когда я вижу, что пересекаются интересы двух или трех групп или учреждений, связанных с репрессиями, и интерес состоит в том, чтобы этого человека не стало, и он в нужное время погибает, то всегда возникают большие сомнения. А здесь был заинтересован Рюмин, который сообщил, что Этингер будто бы дал ему какие-то признательные показания о подготовке террористических актов против членов советского правительства. Был заинтересован и Абакумов – ведь получалось, что он виноват в том, что как-то «смазал» это дело... Был заинтересован весь отдел по расследованию особо опасных преступлений – ведь когда потом начали вызывать на допросы тех, кто был арестован по другим делам – прежде всего по делу врачей, то им неизменно говорили: а вот профессор Этингер указывал на вас... Более того, Сталин, который лично вел все эти дела и вмешивался в детали, как мог он так возвысить Рюмина, допустившего смерть заключенного, который готовился сообщить такие важные сведения? А ведь Рюмин не получил даже служебного взыскания. И в этой связи я хочу сказать, что профессор Этингер был важной персоной в планах Сталина на будущее. Попал он – если иметь в виду тогдашние нравы – по пустяку: были зафиксированы какие-то его домашние телефонные разговоры и беседы с сыном. Он сидел, ожидая своей участи, не имея никаких конкретных обвинений, кроме "антисоветских разговоров". Складывается впечатление, что чего-то ждали. Но в эти замыслы Сталин не посвящал ни Абакумова, ни кого-либо другого из системы госбезопасности.

Делами МГБ Сталин занимался больше, чем делами политбюро или Совета Министров. Он больше проводил времени, ежедневно лично встречаясь со следователями, с начальником следственной части, с министром госбезопасности, чем с членами политбюро. Сталин лично составлял вопросники, которые получали следователи, – и по делу ЕАК, и по делу врачей. Он сам определял, в какой тюрьме сидеть последственным – в Лефортово или во внутренней. Я отвлекусь. Когда председатель Военной коллегии Чепцов на замечание Лины Соломоновны Штерн, что ее грозили перевести в Лефортовскую тюрьму, спросил: "А какая тут разница?", Л.С.Штерн ответила: "Это надо самому попробовать – тогда вы поймете. Здесь – преддверие ада, а там – ад". Так вот, Сталин сам определял, кого куда посадить, какие пытки применять, какие задавать вопросы. Меня в свое время поразило то, что вдруг стали вызывать каких-то врачей из провинции, и бывшие следователи МГБ, сами уже находясь под следствием, давали показания, что этот

список они получили от Сталина. И по одному этому факту решили разобраться – и нашли. Этингер кончал гимназию в Витебске. Была там компания молодых людей, которые вместе учились, и многие пошли затем в медицинские вузы. Сталин получил список выпускников Витебской гимназии – и отметил, кого допросить, а кого – арестовать. В этой связи я хочу сказать, что на известных этапах или в известные недели или месяцы Сталин фактически становился начальником следственной части – он вел дело сам.

И, наконец, я хочу сказать, что мы, к сожалению, не можем пока в полной мере представить себе, что стояло за всеми этими антисемитскими делами, что ждало жителей нашей страны, а может быть, и не только нашей. И в этой связи встает вопрос о возможной депортации евреев из Москвы и из других крупных промышленных центров России. При анализе возможности таких событий мы стали сопоставлять их с тем, что уже происходило в другое время с другими народами. Вспомним о депортации населения из Прибалтики. Как технически готовилась и осуществлялась депортация. Органы внутренних дел и домоуправления получали поручение: составить списки проживающих в каждом доме и каждой квартире и т.д.; короче говоря – в руках карательных органов была полная информация.

Все это делалось по указанию партийных органов. Потом эти сведения уже разрабатывались в МГБ.

Немало депортаций разных народов было осуществлено коммунистическим режимом в России. Каждая депортация имеет свои особенности, определяемые местом, временем, политическими обстоятельствами, целью, которая ставилась государственной властью при выселении целого народа или части его. Но при всем этом существовал отработанный карательными органами механизм депортации. Укажем лишь на три обстоятельства, которые неизменно присутствовали при выселении того или иного народа.

Во-первых, предварительный учет населения, который готовился к депортации, его точное местожительство. Во-вторых, предварительное определение места высылки, о котором знал очень узкий круг лиц. И, наконец, в-третьих, все операции по депортации проводились в условиях чрезвычайной секретности. Многие очень важные решения сообщались непосредственным исполнителям в устной форме.

Встает вопрос, составлялись ли в Москве такие списки? Да, все домоуправления составляли такие списки – по указанию городского комитета и районных комитетов партии. Непосредственно этим делом ведали органы госбезопасности. Но это не означало, что уже в марте или в апреле 1953 г. должно было начаться выселение евреев из Москвы. Для выселения части населения Ленинграда после убийства Кирова список был составлен за полгода до этого убийства. Эта работа в домоуправлениях не осталась незамеченной. Тревожные слухи и самые невероятные предположения ползли по городу. Потом все умолкло. А списки остались.

Но в нужный момент, уже в начале декабря 1934 г. по этим спискам было выселено несколько тысяч ленинградцев.

Второй вопрос – были ли подготовлены места нового жительства для тех, кто подлежал переселению? В конце января 1953 г. было принято постановление политбюро о строительстве новых мест заключения на 150-200 тысяч человек. Решение политбюро поднимало эту стройку на определенную высоту и определяло высокую степень ответственности этого мероприятия: За своевременное и полное выполнение поставленных задач. Решение политбюро – это не приказ начальника Гулага. И, чтобы подчеркнуть особенность этого строительства, в решении было сказано, для чего все это необходимо для особо опасных иностранных преступников. Это и определило строительную задачу – речь шла о местах заключения не для шпаны, а об особых помещениях. В местах заключения Советского Союза – тюрьмах, лагерях – как свидетельствуют архивные документы, не было такого количества особо опасных преступников (речь идет, главным образом, о немецких военных преступниках). Во всяком случае их было на порядок меньше. Каждый раз, когда разворачивалось большое строительство мест заключения, то оно предшествовало новой волне террора, направленного против советских граждан.

Несколько слов по поводу письма, которое И.И.Минц и его коллега Я.Хавинсон носили по квартирам видных деятелей культуры. Как объяснить, что И.Г.Эренбург не подписал письмо, которое они принесли ему? Я не уверен, что они носили именно это письмо, которое читал И.Г.Эренбург. Могло так быть, что распространялись разные тексты. То письмо, которое сейчас опубликовано, носит какой-то извинительный характер. За евреями есть, будто бы, какая-то вина, но не следует перекладывать ее на всех. По всей вероятности какой-то иной текст определил резкую реакцию и Эренбурга, и Каверина, и других. А о чем пишет Эренбург, и в чем смысл его возражений? В том, что все эти антисемитские акции подрывают наш престиж на Западе. Он не говорит, что все это преступно, негуманно и т.д. Он не оправдывается, он предупреждает, советует.

Но если готовилась депортация, то, естественно, возникает вопрос – где же эти списки, где эти документы?

В 1954 г. произошло массовое уничтожение документов, в той или иной мере связанных с некоторыми неблагоприятными сторонами деятельности Хрущева на посту секретаря ЦК, МК, ЦК компартии Украины. Только из Московского городского партийного архива несколько дней машинами вывозили архивные материалы. О том, что в 1954 году уничтожались архивные документы, шла речь на июльском (1957 г.) пленуме ЦК. Организатором этой акции был назван председатель КГБ генерал Серов. Никаких опровержений со стороны Серова на пленуме не прозвучало. Никто не знает, где их уничтожали. Но есть, однако, очень важное и ценное свидетельство. Осенью 1954 г. сын профессора Этингера – Я.Я.Этингер и его мать, Викторова, ждали во внутренней тюрьме Лубянки пересмотра их де-

ла. Так вот, в то время когда они сидели во внутренней тюрьме на Лубянке, то неделю невозможно было открыть форточку – такой стоял дым, потому что во дворе тюрьмы жгли какие-то документы.

Я не хочу делать каких-то категоричных утверждений. Хочу лишь сказать: эта проблема нуждается в изучении, и документы необходимые найти можно.

И последние несколько слов. Мне хотелось бы обратить ваше внимание на характер наказаний тех людей, которые были повинны в массовых репрессиях, имевших какое-то отношение к арестам евреев и казни членов Еврейского антифашистского комитета. В приговоре по делу Берия перечисляются всякие его грехи: что он шпион английской разведки, что он у муссаватистов служил и т.д. Большой абзац – на одну треть страницы – рассказывает о том, как он, будто бы, хотел сдать немцам перевалы через Кавказский хребет, чтобы немецкие войска оккупировали Закавказье. Я думаю, именно поэтому этот приговор и хранится до сих пор на строгом секретном хранении. Но о тех проблемах, о которых мы говорим сегодня, нет ни полслова. А вот приговор по делу Абакумова. Там идет речь о «ленинградском деле», но нет ни слова о том, что был процесс по делу ЕАК, о том, что он причастен к арестам и расстрелам тысяч людей. Прокуратурой была предпринята попытка снять все обвинения в адрес Абакумова, оставить только обвинение в злоупотреблении служебным положением. Еще большее недоумение вызывает приговор по делу Рюмина. Ведь этот человек больше всех был повинен в тех истязаниях заключенных, которые осуществлялись в ходе следствия. По процессу Абакумова проходил Комаров – человек, который в письме к Сталину писал, что он был настолько нетерпим к еврейским националистам, что даже в МГБ его называли антисемитом, и он просил дать ему свободу, чтобы он им всем свернул шею. В обвинительном заключении нет и слова об истязании подследственных, фальсификации дела ЕАК. Судом они были приговорены к высшей мере наказания. Но их расстреляли за то, что они оказались нежелательными свидетелями. Власть предрержащие боялись разоблачений своей деятельности в сталинские времена.

Наш долг сказать всю правду. И не только для того, чтобы воздать должное памяти погибших, но и для того, чтобы будущие поколения дали правильную оценку и жертвам, и преступлениям, совершенным в годы советского режима, мы должны сказать правду, показать эти – все еще секретные – документы и объяснить, что всех этих людей, творивших беззаконие, обвинили и осудили лишь потому, что они оказались неудобны, а не из-за тех кровавых преступлений, которые они совершили.

Я думаю, что любую конференцию украшают проблемы, вызывающие дискуссию. Говорят, что в спорах рождается истина. Но для того, чтобы это произошло, следует обратиться к старому римскому правилу: пусть будет выслушана и другая сторона. Эту другую сторону я и хочу представить. Уточню, что «другой» эта

точка зрения является в сравнении с той, которую сегодня утром высказал в своем докладе мой оппонент [Г. Костырченко – Прим. ред.]

О чем идет речь? Существовали ли планы депортации евреев из Москвы и других городов? Если такие планы имели место, то кто их выдвигал? В какой мере осуществлялась эта акция, и в какой мере она была успешной? Говорят, что нет документов, подтверждающих существование такого рода планов. Да, прямых документов пока нет. Но есть документы, позволяющие поставить вопрос о существовании такого плана. Есть достаточно убедительные свидетельства, которые говорят о его реальности. Я хотел бы отметить, что речь идет не об очередной операции Сталина, партии, МГБ, не об очередной серии антисемитских акций, имевших место в то время. Полагаю, что каждый сидящий в этом зале, в течение нескольких дней нашего общения мог почувствовать, что шло нарастание политических репрессий – и вот приблизилась высшая точка. Нам хотят сказать, что этой высшей точки не было, а если и имели место попытки ее достигнуть, то они завершились крупнейшим провалом для Сталина. Говоря о возможности существования такого плана и документа, твердо и прямо говорящего об этом, я хотел бы напомнить о том, что для деятельности Коммунистической партии была характерна очень высокая степень конспиративности. И распространялась эта конспиративность не на второстепенные вопросы, а на самые главные. К 1952-му году в партийном аппарате, в аппарате всей этой многомиллионной партии, практически не было ни одного еврея. Но найдите хотя бы один документ, касающийся этого вопроса!

Л.Люкс. А Каганович? Мехлис?

В.П.Наумов. Я сейчас скажу вам, кто был Каганович. Каганович был, как и некоторые другие, «еврей при губернаторе». Здесь-то и раскрывается двоедушие Сталина и коварство его замыслов. Он мог сказать: у нас в политбюро есть Каганович. Есть генерал Кайзер. Но я хочу спросить: есть ли такой документ, в соответствии с которым было бы запрещено принимать на партийную работу людей, по национальности являющихся евреями? Далее. Когда говорится, что в те или иные планы обязательно должны быть посвящены широкие круги соратников Сталина, то я могу привести множество примеров того, что уже в конце тридцатых годов Сталин сам принимал решения, не считая нужным информировать о них даже очень близких людей. Маршал Б.М.Шапошников, начальник генерального штаба РККА, узнал о вторжении в Финляндию, которое было осуществлено Красной армией, находясь в санатории, из газет. Здесь приводились примеры, связанные с выселением народов Северного Кавказа. Я думаю, что этот аргумент бьет против докладчика. И вот почему. Все решения по этому вопросу были формально объявлены уже после того, как операция началась. Конкретным частям были доведены определенные задания уже после того, как они вышли на запла-

нированные позиции. Непосредственные руководители этой операции – Круглов, Кобулов и Аполлонов -приехали на Северный Кавказ с устными распоряжениями. Сотни тысяч человек были вывезены в течение нескольких дней, и к этому времени было подготовлено все, в том числе железнодорожные составы, и никто не мог спросить, для чего эти составы потребовались. Мы даже сейчас не можем сказать – если не иметь в виду официальное решение ГКО – каковы же были эти устные указания. Вот вам пример. Выселение началось 23 февраля. Накануне по всей Чечне выпал снег. Слой снега был настолько глубок, что было совершенно ясно: старики, женщины и дети из высокогорных районов не смогут, не успеют спуститься за один день к железнодорожным составам, стоявшим в долине. В ряде районов стариков, детей и женщин согнали в сельскохозяйственные помещения (предназначенные главным образом для скота). Их расстреляли и сожгли. Когда после XX съезда всплыли эти факты, то не были найдены распоряжения командования. Не было и донесений о произведенных расстрелах мирных граждан. Вот и ищите эти документы!

Сегодня прозвучали утверждения (они встречаются и в литературе), что невозможно было депортировать евреев, потому что они были разбросаны по всей стране. Но я приведу вам примеры депортации, связанные с Северным Кавказом: были депортированы татары, армяне, греки – и не из Крыма, а с черноморского побережья Кавказа, где они жили на огромной территории среди других народов. Всех выловили – ни одного не осталось!

Второй большой круг вопросов связан с тем, кто замыслил процесс над евреями и последующие гонения на них, включая депортацию. Мне кажется, что это очень важный вопрос. От его решения зависит определение роли Сталина в развертывании антисемитской кампании, выяснение его места в организации процесса над врачами. Нам говорят, что все это сделал Рюмин, подталкивавший Сталина к дальнейшему расширению антисемитских операций. Я повторяю, что это было бы смешно, если бы за этим не следовали другие серьезные выводы, вольно или невольно снимающие со Сталина роль главного организатора и вдохновителя государственной политики антисемитизма. Рюмин – это пигмей, ничтожество, это тот человек, о котором Сталин говорил: захочу -прижму ногтем и раздавлю. И раздавил, когда это ему, Сталину, понадобилось.

Когда говорят, что, дескать, Рюмин или Абакумов арестовали того или другого, понимая это буквально, что этот арест – результат их прихоти, то здесь присутствует явное искаженное представление о механизме арестов, существовавшем в органах госбезопасности в те годы – да и не только в те годы.

А механизм этот был таков. Вначале следовал устный доклад министра госбезопасности или замминистра Сталину. После этого Сталин или кто-то из членов политбюро, присутствовавших на заседании, от имени политбюро давали согласие на задержание или арест определенного лица. Если Сталин отсутствовал в Москве, то действовали по устному указанию, но обязательно после этого полу-

чали его письменную визу. Высокопоставленные чины госбезопасности специально по этому поводу летали на юг. Только после этого людей арестовывали. Обычно через несколько дней поступали протоколы допроса, из которых явствовало, что обвиняемый во всем сознался, и тогда следовало окончательное решение о предании этого человека суду и о проведении следствия по его делу. У нас есть свидетельства, что Сталин после таких докладов иногда говорил: «Жалко, хороший человек!»

Вот обвинение, на основании которого политбюро дало согласие на арест Этингера. В письме министра МГБ на имя Сталина утверждалось, что Этингер вел антисоветские разговоры, указывалось где – на квартире и по телефону. Я.Г.Этингер вначале допрашивался только по тем вопросам, которые содержались в письме к Сталину. «Разработка» каких-либо новых сюжетов могла быть только с разрешения вышестоящего начальника или в том случае, если арестованный сам поднимал другие вопросы. По протоколам допросов Я.Г.Этингера не видно, чтобы он назвал большую группу собеседников, тем более единомышленников.

Указание бывших сотрудников следственной части, что им были названы несколько десятков человек, либо вымышлены, либо эта цифра говорит о числе людей, фамилии которых всплыли в ходе допроса, в той или иной ситуации. Я не исключаю того, что кто-то из исследователей или сотрудников госбезопасности встречал такую цифру в докладе о допросах Этингера. И я хотел бы обратить ваше внимание на то, как это делалось. Об этом говорила Л.С.Штерн, по-моему, даже на процессе. Ее спрашивают: "Вы знаете Сидорова?" Она отвечает: "Нет не знаю". Ей говорят: "Ну, как же? Он работает в таком-то институте". Она говорит: "Я с ним никогда не встречалась". – "Но у него такие-то и такие-то работы" – Л.С.Штерн отвечает: "Да, что-то такое я припоминаю". – "Хорошо". А что мы читаем в протоколе? Выписываются все лица, упомянутые в ходе допроса, и данная фамилия идет отдельно с указанием, что в ходе допроса были названы следующие лица. Все они затем подлежали оперативной разработке.

Поэтому относиться к таким фактам следует очень осторожно, скрупулезно проверяя каждый допрос и выясняя, каким образом то или иное имя попало в протокол. Я хотел бы рассказать об одном случае. Он очень ярко свидетельствует о том, как мог действовать Сталин, лично организуя убийства людей. Летом 1948 г. на политбюро решался вопрос о положении в биологической науке – по докладу Т.Д.Лысенко. А.А.Жданов не имел к этому никакого отношения. Зато имел отношение его сын, который был повинен в публикации материалов против Лысенко. Однако Сталин сказал: «Нечего с детей спрашивать – спрашивать надо с отцов». Обсуждение этого вопроса в присутствии большого числа приглашенных в тот день не закончилось. На следующий день – уже в узком кругу – было принято решение в отношении Жданова. У нас есть свидетельство Д.Т.Шепилова, который был непосредственным подчиненным Жданова и ждал его с того заседа-

ния политбюро. Шепилов рассказывает, что накануне заседания Жданов несколько раз терял сознание, задыхался при ходьбе. И когда он пришел после заседания политбюро, он выглядел, по словам Шепилова, как живой покойник. Шепилов сказал Жданову:

«Вам надо немедленно лечь в больницу». Но Жданов ответил:

«Нет, политбюро приняло решение, что мне надо ехать отдыхать на Валдай. Товарищ Сталин сказал, что там очень хороший воздух для сердечников». А на самом деле и воздух, и растительность на Валдае противопоказаны сердечникам. И сама местность такова, что приходится все время переходить с одной горки на другую. Напутствуя врачей, которые повезли Жданова на Валдай, Сталин сказал: «Вы его гулять водите почаще! Водите по аллеям – а то смотрите, вес лишний. А так все спадет». Во время прогулки Жданов и скончался.

С личной заинтересованностью Сталина связана и вся эта история с Л.Тимашук, с ее письмом, копиями кардиограмм, с тем, что он положил ее донос в свой сейф. Я должен сказать, что не осталось в живых ни одного свидетеля. Первой – через семь дней – повесилась экономка (или была повешена), потом уничтожили других людей, в частности, лечащего врача, патологоанатома, который на даче в ванной комнате вместе с профессором Виноградовым делал вскрытие тела Жданова. В 1951 г. застрелился комендант «спецобъекта» -государственной дачи, где отдыхал и скончался Жданов. Комендант многое видел и многое знал. Застрелился он зимним вечером в подмосковном поселке Томилино, причем он оказался так ловок, что у него в черепе нашли два пулевых отверстия. Кстати, об этом происшествии специальным сообщением известили Г.М.Маленкова.

Осенью 1952 г. был арестован и привлечен к делу врачей профессор Виноградов, который консультировал Жданова и присутствовал при его кончине.

И, наконец, я хочу сказать, что отстаивая свою точку зрения мой оппонент ссылается на то положение, которое существовало тогда в руководящих кругах Советского Союза, которое не давало возможности Сталину развернуть дело врачей. Но я должен сказать, что эта оценка – я все искал слово и решил воспользоваться словами Леонида Люкса – представляет собой иллюзию. Я приведу один пример. В решении политбюро о распределении обязанностей секретарей ЦК было записано, что Алексей Александрович Кузнецов занимается вопросами госбезопасности. На основании этой записи в России появилась масса статей, в которых доказывалось, что он вмешивался в ход следствия, непосредственно участвовал в репрессиях, иными словами, находился в центре событий. Минувшей осенью мы нашли доносы Абакумова Сталину. Абакумов обвиняет Кузнецова в том, что он не занимается органами государственной безопасности, относится к ним с презрением и полностью игнорирует министра, не желая с ним даже встречаться. За все время работы, сообщает Абакумов, он видел Кузнецова два раза. Но ведь это естественно: секретарь ЦК, который только что пришел из областного комитета партии, как мог он вникать в дела госбезопасности, которыми непо-

средственно занимается сам Сталин. А каких-то конкретных поручений Сталин Кузнецову не давал.

Я еще раз хотел бы обратить ваше внимание на характер источников, которыми мы пользуемся, и на характер учреждений, из стен которых исходят документы. Мы имеем документы, содержащие решения политбюро, которые политбюро не принимало. Что-то могло быть сказано на обеде или ночном ужине у Сталина, он мог попросить оформить это решением. Иногда оформляли, а иногда давали передовой или специальной статьей в центральной газете. А писали так: ЦК КПСС рассмотрело такой-то вопрос и приняло решение. Другой пример, непосредственно касающийся нашей темы, – известное постановление политбюро о ЕАК от 20 ноября 1948 г. Оказывается, первоначальную записку с тем же точно текстом, который содержал решение политбюро, подписали Сталин и Молотов. Руководству Совета министров они написали: мы считаем нужным принять такое решение. Поскребышев передал эту записку по ВЧ в 00 ч. 15 мин. 21 ноября 1948 г. Однако, на документах, которые находятся в научном обороте значатся другие даты. 20-го ноября приняла решение группа «девяти» в Совете министров, 20-го же ноября принял решение Совет министров, в тот же день 20-го ноября приняло решение политбюро. Когда же действительно было принято это решение – установить это сегодня едва ли возможно.

Или последний пример, о котором я хочу упомянуть, – дело Абакумова. По этому делу было три следствия. По первому следствию – оно было полностью закончено к февралю 1953 г. Сталиным лично рассмотрен и в основном одобрен текст обвинительного заключения и проект приговора – Абакумов обвинялся в том, что он создал в МГБ сионистскую антисоветскую организацию и развалил работу МГБ. Абакумов – глава сионистской организации! В деле упоминаются Шварцман, Броверман и другие. Весной 1953 г. по указанию Берия было проведено новое следствие. Оно было быстро закончено, подготовлен проект приговора, по которому Абакумов должен был быть приговорен к смертной казни за злоупотребление служебным положением, истязания заключенных. Материалы обвинительного заключения касались главным образом мингрельского дела.

П.Я.Крупников. Какой это был месяц?

В.П.Наумов. Март – апрель – май.

На Абакумова возложили ответственность за дело ЕАК. Судили же его и приговорили к высшей мере в 1954 г. за "Ленинградское дело" после третьего следствия, которое было осуществлено после ареста Берия. Мера наказания и формула обвинения были утверждены до суда Президиумом ЦК КПСС. Все обвинения Абакумова и его подельщиков в фальсификации дела ЕАК были сняты.

На каждом следствии по делу Абакумова проходил свидетелем Рюмин. Каждый раз Рюмин своими показаниями поддерживал позицию следствия, подтвер-

ждая конкретными фактами те обвинения Абакумова, которые оно выдвигало. Меня каждый раз показания, Рюмин оправдывал это тем, что на него оказывали давление в первом следствии по делу Абакумова новые руководители следственной части, во втором – Владимирский и Кобулов.

В заключение я хотел сказать, что в нашей истории с конца 1952 по начало 1953 гг. – менее всего исследована сама проблема политических процессов, тех, которые совершались и тех, которые спешно готовились, цели, которые ставил перед собой Сталин, может быть, даже и не очень доверяя своим соратникам. Известно, что в это время готовились два процесса одновременно. И у обеих следственных групп были одни и те же сроки завершения. Первый процесс над группой врачей, а второй процесс должен был быть над группой террористов из охраны Кремля и группой работников американского посольства, которые будто бы готовили покушение на советское руководство. Посольство оказалось в тяжелом положении, потому что посол Дж.Кеннан оказался за пределами СССР и обратно его не пускали. Американскому посольству уже было сделано представление о выдаче двух сотрудников.

Какую цель преследовал Сталин этим дуплетом из двух процессов, один из которых следовал за другим? В этом еще предстоит разобраться. Вот все, что я хотел сказать. Прошу прощения за длинное выступление; мне хотелось лишь скорректировать ситуацию на основании известных мне документов и оказать дружескую поддержку молодому исследователю столь сложной темы.